

В. Н. КУЗНЕЦОВ

Монтескье

Жизнь и деятельность

Шарль Луи де Секонда, унаследовавший после смерти дяди титул барона де Монтескье (1689–1775), происходил из старинного гасконского рода, принадлежавшего к «дворянству мантии», которое состояло из высшего чиновничества судебных палат («парламентов»), где были сильны антиабсолютистские настроения. Образование Монтескье получил в коллеже ораторианцев¹, известном классическо-светской, а не клерикальной ориентацией преподавания. Полюбив античную литературу с воспевавшимися в ней гражданскими добродетелями, он в школьном сочинении высказал «еретическую» мысль, что выдающиеся писатели и мыслители древности не заслуживают адских мук за то, что не были христианами. После изучения права Монтескье становится советником, а затем одним из «президентов» (председателей) парламента² г. Бордо. Быстро убедившись в неспособности судов эффективно противодействовать диктату королевской власти, Монтескье охладел к своим служебным обязанностям. Он увлекается, с одной стороны, физическими исследованиями, о которых сделал ряд докладов в местном научном обществе («академии»), а с другой — социально-философскими размышлениями, искусно выразив их в галантно-фривольном по своей форме романе «Персидские письма» (1721). Изданный анонимно в Голландии, роман имел огромный успех. Монтескье, признавшийся в авторстве, сразу приобрел литературную славу вместе с репутацией вольнодумца и острого критика феодально-абсолютистского режима (то, что непосредственно Монтескье развенчивал давно

скомп–рометированное царствование Людовика XIV, отводило от него в эпоху регентства угрозу репрессий). Монтескье становится частым гостем в Париже, где наряду с критическими выступлениями об античном деспотизме в одном из вольнодумных клубов он посещает великосветские салоны и заручается покровительством влиятельных аристократок, живописуя в пасторалях их галантные увлечения. В 1728 г. Монтескье избирается во Французскую академию.

Сложив с себя судебские обязанности, Монтескье с целью изучения обычаев, нравов, законодательств и политических учреждений сопредельных стран посетил Германию, Австрию, Италию, Швейцарию, два года прожил в Англии. По возвращении в 1731 г. на родину Монтескье большую часть времени проводит в своем имении под Бордо, напряженно работая над социально-философским трактатом. Историографическое введение к нему было опубликовано в 1734 г. под заглавием «Размышления о причинах величия и падения римлян», а сам трактат, названный «О духе законов», был издан в 1748 г. Несколько последующих произведений Монтескье были опубликованы посмертно. Наиболее значительны среди них эстетическо-классицистский «Опыт о вкусе», помещенный в 1757 г. в «Энциклопедии», и изданная в 1783 г. «Восточная повесть об Арзасе и Немении», рисующая идеальный образ «просвещенного монарха», заботящегося о народном благосостоянии, установившего общеобязательные справедливые законы и правящего с помощью философов, которые «всегда говорили о народе, изредка о царе и никогда о себе».

В «Персидских письмах», «Размышлениях о причинах величия и упадка римлян», в трактате «О духе законов» запечатлены три стадии развития философской мысли Монтескье. Свойственные им комплексы идей являются значительными вехами в истории французского Просвещения, причем каждый из них играл своеобразную роль и воспринимался по-разному.

«Персидские письма» — первый цельный эскиз просветительского мировоззрения

Идейное содержание названного романа, который состоит из созданных художественным воображением Монтескье писем между путешествующими по Европе образованными «персами» и их оставшимися на родине соотечественниками, развивало темы,

трактовавшиеся во французском политическом и философском свободомыслии конца XVII – начала XVIII века.

В «Персидских письмах» развертывалась, во-первых, едкая критика язв феодально-абсолютистского строя Франции: безудержной роскоши королевского двора, паразитизма осыпаемой дарами монарха развращенной аристократии, алчности сборщиков несправедливых налогов, разоряющих массу населения, и т. д. Усмотрение родства такого правления с азиатским деспотизмом, превращающим своих подданных в нищих и бесправных рабов, было серьезнейшим политическим обвинением в адрес французской монархии. Деспотической власти противопоставлялся в романе идеал общества, все граждане которого активно участвуют в управлении и в котором «интересы отдельных лиц» гармонически сочетаются с «интересом общественным».

Роман отличался, во-вторых, антиклерикальной направленностью, показывая, что как во Франции, так и в других странах, где господствует римско-католическая церковь, духовенство развращено, своекорыстно и жестоко, сжигая инаковерующих и вольнодумцев «как соломѹ». Устами своих персонажей Монтескье замечал, что христианство, претендующее быть религией любви и кротости, приводит в действительности к совсем иным результатам: «Никогда не было царства, в котором происходило столько междоусобиц, как в царстве Христа»*. В качестве благодетельной антитезы разгулу религиозного фанатизма роман проводил мысль об установлении веротерпимости и свободы совести. Теологические контroversы как повод для кровавых сражений между приверженцами различных толкований религиозных догматов представлялись «персам» чудовищной нелепостью, и они иронизировали по поводу принципиальной невразумительности христианских верований в триединство бога и «пресуществление», находя абсурдным, что «три — не что иное, как единица, что хлеб, который едят, не хлеб, а вино, которое пьют, не вино»**.

Во всех отношениях пиетет перед христианством полностью развенчивался, и читатели подводились к выводу о необходимости отвергнуть эту религию, которая в действительности не менее суеверна, чем осуждаемые ее служителями вероисповедания

* Монтескье, Ш. Л. Персидские письма. — М., 1956. — С. 88.

** Там же. — С. 76–77.

других народов. Таков был первый, еще довольно осторожный и в известном смысле скрытый подход французского Просвещения к характерной для него радикальной конфронтации с христианской религией.

Философски существенно, что в романе выражены материалистические взгляды о наличии в природе объективной каузальности и закономерности. Эти взгляды, которые утверждались естествоиспытателями и философами нового времени в ожесточенной борьбе с библейскими представлениями, Монтескье использовал для подрыва религиозной веры в «чудеса» как «очевидные» проявления «божественного всемогущества», коренным образом меняющего течение событий на Земле. В романе высказана также материалистическая убежденность в познаваемости объективных причин и законов, противостоящая агностицизму³ и имеющая антитеологическую заостренность. «Персы» с восхищением отзывались о европейских «философах» (под ними в данном случае имелись в виду естествоиспытатели), которые, имея смелость руководствоваться только человеческим разумом и не рассчитывать на «божественное откровение», сумели «распутать» кажущийся хаос Вселенной и на основе созданной ими «простой механики» объяснили ее истинное строение. «Познание пяти-шести истин, преисполнило чудесами науку этих философов и дало им возможность произвести столько же чудес, сколько рассказывается про наших святых пророков»*. Больше того, ни один мусульманский мудрец не в состоянии взвесить воздух, окружающий Землю, или измерить количество воды, ежегодно выпадающее на нее, определить скорость звука и т. д. Европейские же «философы» легко решают эту задачу с помощью чисто человеческой науки. Сквозящая в этих словах ирония, вполне применимая и к христианским теологам, подчеркивала отсутствие во всевозможных «священных писаниях» действительных истин о мире.

Отвергая конфессионально определенные виды религиозного мировоззрения, Монтескье, однако, не переходил на позиции атеизма, а удовлетворялся деизмом. Он допускал существование бога как некоего «зодчего» природы, устанавливающего ее законы в соответствии с своей мудростью и могуществом, — материалистического объяснения факта закономерности природы

* Там же. — С. 228–229.

он не находил. Подчеркнем, что божественное мироустройство Монтескье представлял как происшедший в туманном «начале времен» разовый акт, после которого бог уже не вмешивается ни во что происходящее во Вселенной. Положения деистической онтологии Монтескье не развертывал и не обосновывал. Их функция в его произведениях была всецело антитеологической, и заостренности против атеизма они не имели. Сколько-нибудь серьезного барьера на пути движения к последовательно материалистическому пониманию природы, стимулируемому главным содержанием воззрений на нее Монтескье, названные положения не ставили. К ним полностью применимы слова Маркса и Энгельса, что «деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»^{*}.

То же иррелигиозное, по сути дела, значение имеет стремление Монтескье так истолковать веру в бога, чтобы устранить из нее трансцендентный теоцентризм⁴ и придать ей гуманистическо-мирскую устремленность: если бог установил религию для блага людей, значит, их забота о своем счастье на Земле не греховна; если бог любит людей, значит, они с подлинной любовью должны относиться друг к другу, способствуя обретению реального счастья, и такое поведение есть лучший способ почитания бога, по сравнению с чем соблюдение церковных обрядов — это сущий пустяк. Мысль Монтескье преодолевала рамки деизма, когда ею отрицалась необходимость религиозного обоснования моральных норм, которые могут и должны соблюдаться по чисто человеческим соображениям как жизненно необходимые людям: «Если бы бога не было, мы все же должны были бы любить справедливость... Как бы свободны мы ни были от ига религии, мы никогда не должны быть свободны от ига справедливости»^{**}.

Важнейшим условием улучшения жизни людей Монтескье считал развитие производства материальных благ земледелием и ремеслами, что отражало насущные задачи французской экономики. Надо сказать, что феодально-абсолютистский режим ставил с конца XVII в. все большие препоны на пути решения этих задач, а реакционные клерикалы давали идеологическое обоснование соответствующей политике правительства, широко используя для этого аскетические установки христианства.

* Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 2. — С. 144.

** Монтескье, Ш. Л. Указ. соч. — С. 202.

Монтескье, руководствуясь своими социальными и философскими воззрениями отвергал эти установки, как и утверждения защитников патриархальной простоты жизни, что новые предметы потребления, создаваемые промышленным производством ведут к опасному изнеживанию и деградации людей. Согласно Монтескье, эта опасность существует лишь для тех, кто ведет паразитический образ жизни. Для подавляющего же большинства людей обладание любыми материальными благами обеспечивается их трудом, который оказывает благотворное воздействие на личность, укрепляет ее силы и нравственно возвышает ее. Потребность людей в новых благах в высшей степени полезна для общества, стимулируя развитие производства и оборот капиталов, — тут Монтескье выступает как выразитель экономических интересов исторически прогрессивного класса — буржуазии, веря в их совпадение с интересами всего населения, занятого общественно полезным трудом. Тем самым на заре французского Просвещения вырисовывалась буржуазная ориентация, которая стала доминирующей в нем в силу своего соответствия реальным в XVIII веке возможностям прогрессивного социального преобразования, классовой определенности дальнейшего экономического развития страны.

При всей сжатости размышлений Монтескье о перспективах развития материального производства они были достаточно глубоки, чтобы он, во-первых, поставил прогресс техники в зависимость от успехов науки, а во-вторых, отметил опасность использования научно-технических достижений в военных целях. Монтескье выразил оптимистическую надежду, которая и ныне жизненно важна для людей, что разум человечества способен устранить эту опасность запрещая, например, международными соглашениями применять в качестве оружия те вновь открываемые вещества, сила взрыва которых может намного превзойти порох. «Персидские письма» явились первым концентрированным выражением комплекса идей французского Просвещения, которые благодаря их талантливой разработке (в том числе за счет использования Монтескье художественной формы, соответствующей вкусам эпохи) успешно внедрялись в общественное сознание.

Начатки философии истории

От остроактуальной критики феодально-абсолютистского строя Франции и противопоставления ему просветительских альтернатив Монтескье перешел с начала 1730-х гг. к размышлениям о социально-политическом развитии Европы на протяжении двух с половиной тысячелетий, истекших с момента основания Рима. У Монтескье сложилось убеждение, что без знания прошлого невозможно понять современность и обоснованно судить о будущем народов, т. е. выработывался исторический подход к занимавшим его социальным проблемам. При рассмотрении истории Монтескье отверг как христианский провиденциализм⁵, так и взгляд на нее как скопление случайных событий, происходящих по прихоти людей. Он ставил вопрос о выработке такого каузального понимания, которое позволило бы выявить действительную, естественную, а не мнимую «сверхъестественную» необходимость в событиях, коренным образом меняющих судьбы народов: «Существуют общие причины как духовного, так и физического порядка», которые действуют в каждом государстве при его возвышении или упадке, укреплении или ослаблении, и «все случайности подчинены этим причинам»*. Под этим углом зрения Монтескье рассмотрел историю Древнего Рима, создавшего могущественную империю, которая затем стала неустойчиво приходить в упадок, распалась надвое, и западная ее часть рухнула в V в. под натиском варваров (что создало почву для возникновения европейского феодализма), а восточная еще долго влачила жалкое существование, пока в середине XV в. не была завоевана турками.

Определяющий источник могущества древних римлян Монтескье увидел в свойственной им гражданской добродетельности, побуждавшей их превыше всего ставить интересы отечества и в борьбе за него проявлять самоотверженность. Эту социально-психологическую черту древних римлян Монтескье ставил в неразрывную связь с наличием у них политической свободы, республиканской формы управления обществом. Падение республики и установление деспотического правления императоров повлекло за собой, согласно Монтескье, неизбежное ослабление гражданской добродетели, в результате чего римляне спустя не-

* Монтескье. Ш. Л. Избранные произведения. — М., 1955. — С. 128.

сколько веков оказались неспособными противостоять варварам, которых они прежде побеждали. Падение же республики Монтескье считал обусловленным безудержной военной экспансией римлян: когда она вышла далеко за пределы Италии, стало неизбежным существование больших постоянных армий, опираясь на которые удачливые полководцы от Мария и Суллы до Цезаря устанавливали единоличную власть в Риме, в чем окончательно преуспел Октавиан⁶.

Предложенная Монтескье трактовка римской истории не углублялась до выявления ее экономических оснований и связанных с ними классовых антагонизмов, будучи тем самым далека от материалистического понимания истории, которое могло быть реально создано лишь значительно позже. Вместе с тем нельзя не замечать, что по сравнению с насаждавшимся церковниками теологическим воззрением на историю данная трактовка представляла значительный шаг вперед, поскольку на место домыслов о провиденциальных целях ставила достаточно трезвое знание о немаловажных видах реальных причинно-следственных связей.

Рассматривая без теологических шор вопрос о роли различных религий в жизни общества, Монтескье показывал несостоятельность убеждения христиан, что Рим пал в результате прегрешений, вызванных длительным исповеданием в нем нечестивого «язычества», — последнее со свойственным ему культом гражданской добродетели скорее укрепляло государство, чего не могло делать христианство с его идеалом внемирской «святости». Превращение христианства в государственную религию Римской империи, происшедшее в начале IV в., не уберегло последнюю от скорой гибели.

Клерикализацию Византии Монтескье характеризовал как «наиболее отравленный источник всех бедствий» этого «христианнейшего» государства. Этот социальный феномен Монтескье критиковал тем более остро, что фактически он выражал и свое отношение к аналогичному процессу в странах Западной Европы эпохи феодализма. Обосновывая тем самым задачи отделения церкви от государства и секуляризации общественной жизни, Монтескье провозглашал их «базисом, на котором покоится благополучие народа»*.

* Там же. — С. 151.

Подход Монтескье к философскому освещению истории оказался тесно связанным с приданием французскому Просвещению антиклерикальной заостренности, что было практически верным определением наиболее эффективного направления главного удара передовой общественной мысли по феодально-абсолютистскому строю. Вместе с произведениями Вольтера начала 1730-х годов и начавшим распространяться тогда «Завещанием» Мелье⁷ «Размышления о причинах величия и падения римлян» Монтескье существенно радикализировали просветительскую мысль и поднимали ее на новую ступень.

Социальная философия «Духа законов»

Понять причины существования различных форм общества, не обращаясь к ничему, в сущности, не объясняющим ссылок на божественное провидение и в то же время выявляя определенную необходимость естественного характера, — такую задачу ставил Монтескье в своем итоговом философском произведении. Оно завершалось в годы, когда ранее посеянные семена Просвещения дали обильную поросль. Монтескье с воодушевлением отмечал, что «свет просвещения достиг невиданной силы» и «философия озарила умы»*. С середины 1740-х гг. Просвещение значительно укрепилось за счет того, что его активными деятелями стало много молодых талантливых мыслителей, считавших Монтескье одним из своих учителей и стремившихся действовать в содружестве с ним. Гельвецию⁸ удалось посетить Монтескье в его творческом уединении и иметь с ним длительные беседы, в ходе которых обнаружилось, однако, что выводы его социальной философии в известной мере отдалялись от просветительской ориентации. Стремление обосновать проведение прогрессивных социальных преобразований противоречиво сочеталось у позднего Монтескье с консервативным желанием примирить людей с существующими общественными отношениями.

Наблюдая нарастание во Франции социального кризиса, сильно обострившегося к концу 1740-х гг., знакомясь с умонастроением нового поколения просветителей и, возможно, учитывая революционный пафос «Завещания» Мелье, Монтескье был явно напуган перспективой быстрого и радикального изменения

* Там же. — С. 556.

общественного строя страны. Он весьма откровенно относил себя к числу философов, которые «чувствуют старое зло, видят средство к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления. Они сохраняют дурное из боязни худшего и довольствуются существующим благом, если сомневаются в возможности лучшего»*.

Имелась сословно-классовая обусловленность подобной позиции Монтескье, что замечали уже наиболее проницательные просветители. Согласно мнению Гельвеция, высказанному в доверительном письме, «все заблуждения» Монтескье проистекают из того, что он сохранил «свои предрассудки как члена судейского сословия и дворянина»**. Но консерватизм Монтескье имел также серьезные теоретические основания в ряде положений его социальной философии. Монтескье глубже других просветителей проник в исторические основания и структуру феодализма, однако из-за непонимания диалектики социального развития абсолютизировал выявленные им исторические и структурные реалии.

К решению поставленной им теоретической задачи Монтескье подходил с позиций «юридического мировоззрения», являющегося, как отметил Энгельс, характерной чертой буржуазных идеологов нового времени. Монтескье считал, что совокупность юридически оформленных законов — «законодательство» — имеет определяющее значение в жизни общества, и понять ту или иную форму последнего — значит прежде всего разобраться в собственном ей законодательстве. Такая абсолютизация юридических регулятивов социальной жизни, исторически неизбежная при первых попытках уяснить ее реальные детерминации, была и своеобразным выражением убеждения, навеянного успехами новоевропейского естествознания, что все сущее «имеет свои законы», которые суть «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей»***.

Нужно уточнить, что Монтескье различал два вида законов, значимых для регулирования отношений между людьми: «естественные», вытекающие из биологической природы человека и определяющие его поступки в так называемом «дообщественном»

* Там же. — С. 160.

** Гельвеций, К. А. Соч. — М., 1974. — Т. 2. — С. 621.

*** Монтескье, Ш. Л. Избранные произведения. — С. 163.

состоянии, и собственно социальные. Названное состояние, первым «законом» которого является необходимость «добывать себе пищу», Монтескье трактовал во многом совсем иначе, нежели Т. Гоббс: это не «война всех против всех», а такое состояние, в котором «естественными законами» являются (из-за физической неспособности изолированного индивида обеспечить свое существование) необходимость для людей жить в мире с себе подобными, обращаться к ним с просьбой о помощи и «жить в обществе»*. В силу этого «естественное состояние» само собой преобразуется в «общественное». По сути же дела, Монтескье отходил от абстракции «естественного состояния», вводя в состав этого понятия социальные определенности, так что фактически «общественное состояние» представало как изначальное для человечества.

Монтескье реалистичнее по сравнению с Гоббсом осветил и проблему ожесточенной борьбы между людьми, указывая, что она разворачивается, когда они объединены в общества, и ведется как между различными обществами, так и внутри каждого из них ради извлечения выгоды за счет других. Тем самым эта борьба характеризовалась как социальная и по своему характеру, и по своим причинам. Глубокой была также мысль Монтескье, что именно «появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми»**: возникновение права рассматривалось как обусловленное острыми социальными конфликтами, причем с ним неразрывно связывалось и образование государства. Монтескье выделял три вида права: международное, политическое (регулирующее отношения между правителями и управляемыми) и гражданское (регулирующее отношения между гражданами). Среди французских просветителей Монтескье являлся едва ли не единственным, кто был неудовлетворен договорной теорией государства и права, полагая, что в действительности они имеют иные основания, причем трактовка последних в его социальной философии не была однозначной.

Эта философия начиналась с освещения проблемы утверждения феодальных отношений в Европе после крушения Римской империи. Названный процесс Монтескье рассмотрел в работе «Теория феодальных законов франков в их отношении

* Там же. — С. 165–166.

** Там же. — С. 167.

к установлению монархии» — она фигурировала как своего рода приложение к книге «О духе законов». Монтескье провел скрупулезное историческое исследование, придя к выводу, что на территории его страны, называвшейся в древности Галлией, феодальные отношения утвердились в результате завоевания ее германским племенем франков, предводители которых серией постановлений закрепили местное население, а своим сподвижникам пожаловали земельные владения, ставшие затем наследственными. Все это происходило, по Монтескье, согласно тогдашнему «международному праву». В ранг последнего он возводил просто общепринятое обращение варваров с покоренными народами разрушенной империи.

Более глубокий взгляд на государственно-правовые установления выражен Монтескье в концепции «духа законов», которая создавалась после «теории феодальных законов» и в которой предметом рассмотрения стали существовавшие в различные эпохи «образы правления», сводимые к трем основным типам: республиканскому, монархическому и деспотическому. В основу этого тройственного разделения форм государства Монтескье положил отношение верховной власти к политическим законам, трактуемым как юридически оформленные правила отношений между носителями этой власти и подданными. В наличии таких законов, твердо устанавливающих права и обязанности каждой стороны, Монтескье видел воплощение политической свободы, определяя ее как «право делать все, что дозволено законами». Главную угрозу этой свободе Монтескье усматривал в «естественном» стремлении верховной власти полностью подчинить себе народ, считая, что оно осуществляется при деспотическом правлении, когда «всё вне всяких законов и правил движется волей и произволом отдельного лица», результатом чего являются неисчислимы несчастия для подданных, так что «нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении». Республиканское правление, диаметрально противоположное деспотии, характеризуется Монтескье не только как такое, «при котором верховная власть находится или в руках всего народа или части его», но и как осуществляющееся в строгом соответствии с политическими законами. Монархическое правление, занимающее промежуточное положение между деспотией и республикой, Монтескье определял как такое, «при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов»,

в результате чего в монархии, как и в республике, царит благодетельная политическая свобода*.

Изложенная характеристика различных «образов правления» не является, таким образом, объективистско-бесстрастной классификацией (к чему Монтескье испытывал значительное тяготение, считая это атрибутом научности), но пронизана острой критичностью к одним из них и горячим одобрением других. Монтескье усиливает критику французского абсолютизма, теоретически обосновывая квалификацию всякой абсолютной монархии как деспотического по своей сути правления. Одобряемое же Монтескье монархическое правление — это антитеза абсолютизма. Выдвигая ее, Монтескье брал в качестве образца английскую конституционную монархию (весьма идеализированную им), в которой настолько ограничивалась власть короля, что он, как было принято говорить, лишь царствует, но не управляет. Утверждение Монтескье, что подлинное монархическое правление осуществляется в соответствии с нерушимыми законами и тем самым обеспечивает своим подданным политическую свободу, отнюдь не означало, что так обстоит дело во всех государствах, именующих себя монархиями. Смысл его заключался в том, что оно формулировало для Франции и других стран с аналогичной структурой власти определенный политический идеал, который они должны были осуществить. В общих чертах данный идеал одобрялся всеми французскими просветителями, которые считали, что он вместе с критикой деспотизма является самым значительным достижением социальной философии Монтескье. Хотя субъективно он вовсе не был революционером, предусмотренное им преобразование Франции в конституционную монархию реально могло быть осуществлено, как показал ход истории, лишь в результате успехов буржуазной революции. На начальном этапе Великой французской революции, завершившемся 14 июля 1790 года провозглашением страны конституционной монархией, идеи Монтескье доминировали в политической идеологии революционеров.

Существенным аспектом политического идеала Монтескье было положение о необходимости «разделения властей», идущее от Дж. Локка и определенным образом отражавшее английскую государственность. При разработке этого положения Монтескье

* Там же. — С. 289, 185, 169.

настаивал на том, что не только в монархии, но и в республике не может быть политической свободы без разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, каждая из которых осуществлялась бы особыми органами, обладающими независимостью друг от друга в исполнении своих функций. Согласно Монтескье, должны быть разделены «власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц»; только при соблюдении этих условий «возможен такой государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему позволяет»*. Непосредственно данные положения вписывались в концепцию буржуазного либерализма, одним из основоположников которой выступил Монтескье, но они не замыкаются в ней и имеют громадный общедемократический смысл.

Вместе с тем обосновываемая Монтескье концепция «разделения властей» имела в условиях феодально-абсолютистской Франции XVIII века известный консервативный смысл, который делал ее неприемлемой для большинства просветителей. Выдвигая задачу создания «просвещенным государем» принципиально нового «законодательства», устраняющего феодальные законы, они считали ее разрешимой лишь при наличии единства исполнительной и законодательной власти. Они учитывали, что в их эпоху французские суды (парламенты) стали всячески тормозить прогрессивные социальные преобразования и являлись злейшими преследователями Просвещения. Указывая, что Монтескье при создании его концепции «соблазнил пример английской формы правления», Гельвеций вместе с другими просветителями второй генерации отказывался считать, «будто этот государственный строй совершенен». За «разделением властей», свойственных данному строю, Гельвеций разглядел половинчатый, компромиссный характер осуществленных в Англии антифеодальных преобразований: «Боялись полностью разрушить древнее сооружение, строили из обломков и подпирали их обломками... Связав руки своему деспоту... англичане остановились на пол пути». Ориентируясь на самую решительную ломку феодализма, Гельвеций предостерегал поэтому про-

* Там же. — С. 290–291, 289.

тив заимствования у англичан элементов их государственного строя, которые «имели бы для нас гораздо более неприятные последствия, чем для них...»*.

Главной теоретической проблемой социальной философии Монтескье являлась объективная детерминированность «законодательств», специфичных для республиканского, монархического и деспотического правления. Он назвал эту детерминированность «духом законов» и определил ее как совокупность отношений, в которых находятся законы определенной страны к ее климату, почве и рельефу, к нравам, обычаям и религиозным верованиям, к численности, материальной обеспеченности и экономической деятельности населения, к целям законодателя и обстоятельствам своего возникновения, к характеру существующей политической власти и к наличному «порядку вещей» в целом**.

Монтескье настаивал, что все эти отношения имеют обуславливающее воздействие на устанавливаемые в стране законы: из них укореняются только те, которые адекватны ему. Включение экономических реалий в число факторов, определяющих юридическо-политические законы народов, было достижением Монтескье, но базисного значения этих реалий он не смог понять.

Монтескье выдвинул плодотворную установку понять общество как определенную целостность и отрешиться от поверхностного взгляда на него как механический агрегат индивидов и институтов. Заявляя, что рассматривает «части только для того, чтобы познать целое», Монтескье характеризовал социальную целостность через понятие «общего духа народов» как результата «многих вещей», «управляющих людьми»: климата, религии, законов, принципов правления, примеров прошлого, нравов, обычаев и т. д.*** Каждый «образ правления» Монтескье представил как особую структуру, «части» которой являются взаимосвязанными элементами, функционально необходимыми для существования данного типа общества, — эти воззрения находятся у истоков структурно-функционального подхода в социологии.

* Гельвеций, К. А. Соч. — Т. 2. — С. 618, 622–623, 619.

** Монтескье, Ш. Л. Избранные произведения. — С. 168.

*** Там же. — С. 412.

Стержневым элементом каждой социальной структуры, ее «принципом» Монтескье считал специфические для нее «человеческие страсти», побуждающие людей действовать так, чтобы она имела устойчивое существование. В республике принципом такого рода является, по Монтескье, добродетель, в монархии — честь, в деспотии — страх. При этом уточнялось, что когда речь идет о республике, то имеется в виду «политическая добродетель», понимаемая как действенная «любовь к отечеству и к равенству»*. «Честь» в качестве принципа монархии характеризовалась Монтескье без всякого пиетета и даже с большой долей социального критицизма как выгодные для государя «предрассудки каждого лица и каждого сословия»**. Он подчеркивал, что республики приходят в упадок при ослаблении в них добродетели, монархии — «чести», а деспотии — страха; для каждого образа правления губительно и введение в него чужеродных «принципов». Например, деспотическое правление рухнет, если его подданные становятся приверженными «политической добродетели» или «чести», а панический страх перед тираническим властителем исчезает у них. Тем самым Монтескье ставил и разрабатывал важную проблему о политической значимости социально-психологических черт народов. Однако роль этих черт абсолютизировалась, что вело к идеалистическому воззрению на общество и закладывало основания психологического направления в буржуазной социологии.

Надо заметить, что у Монтескье названная абсолютизация ограничивалась его стремлением выявить объективные детерминации психологии различных народов и свойственных им «образов правления». Эти детерминации он счел исходящими от географической среды, в составе которой выделял три основных компонента — климат, почву и рельеф местности. Согласно Монтескье, первые два компонента оказывают детерминирующее влияние на «образ правления» через посредство определяемой ими психологии народов, а третий воздействует на него через посредство производного географического фактора — величины территории.

Надо заметить, что у Монтескье названная абсолютизация ограничивалась его стремлением выявить объективные детер-

* Там же. — С. 161.

** Там же. — С. 183.

минации психологии различных народов и свойственных им «образов правления». Эти детерминации он счел исходящими от географической среды, в составе которой выделял три основных компонента — климат, почву и рельеф местности. Согласно Монтескье, первые два компонента оказывают детерминирующее влияние на «образ правления» через посредство определяемой ими психологии народов, а третий воздействует на него через посредство производного географического фактора — величины территории.

Хотя, вообще говоря, Монтескье разделял климат на холодный, умеренный и жаркий, в его социально-философских рассуждениях доминирует антитеза холодного (фактически умеренного средневропейского) и жаркого (тропического) климата. Перемежая физиологические констатации с эмпирическими обобщениями относительно психологических черт населения различных климатических поясов (эти обобщения находились в русле влиятельной традиции, идущей от античного мыслителя Диодора Сицилийского¹⁰ до французского путешественника XVII в. Шардена¹¹), Монтескье утверждал, что жаркий климат во всех отношениях «подрывает силы и бодрость людей», а «холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным». Социально-исторической обусловленности психологии рассматриваемых им народов Монтескье совершенно не заметил. Его политологический вывод гласил: «Малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу»*. Несоответствие этого вывода историческому факту существования множества республик античности в относительно жарком климатическом поясе, а деспотий — в умеренно холодном Монтескье стремился устранить ссылаясь на то, что «образ правления» определяется помимо климата также величиной территории государства (ее «естественными» границами он считал горы, в силу чего, по его мнению, на сильно пересеченной местности могли образоваться только государства малых и средних размеров, а на обширных равнинах, напротив, — государства большой протяженности). В качестве посредующего звена выступала задача эффектив-

* Там же. — С. 387.

ного осуществления правительственной власти и сохранения целостности государства. Согласно Монтескье, в государствах малого и среднего размера нет географической предпосылки для сепаратизма окраин, и потому правительство может там осуществлять свою власть сравнительно мягкими мерами, не лишая подданных политической свободы, а напротив, обеспечивая ее ради процветания страны, т. е. управляя посредством законов. Это «правление, основанное на законах», принимает республиканскую форму в малых странах, где все граждане имеют возможность собраться для решения общественных дел, и монархическую форму в странах средней протяженности, где такой возможности уже нет. Что касается очень больших государств, то они, считал Монтескье, не могут существовать без деспотического правления, которое только страхом перед свирепыми наказаниями заставляет отдаленные окраины (прежде всего их управителей) подчиняться центральной власти, находящейся в столице. Эти положения, претендовавшие на выявление географических детерминаций, в действительности не выходили за рамки эмпирической констатации современного Монтескье территориального распределения трех «образов правления», причем он не учитывал значения внутриэкономических связей для устойчивости государственных образований.

Последние уточнения в рисуемую Монтескье картину географического обусловливания «образов правления» вносили указания на роль почвы, разделяемой им на плодородную и неплодородную. При характеристике этой детерминанты Монтескье поставил перед социально-философской мыслью новые существенные проблемы и внес определенный вклад в их разработку. Главным в этом плане было то, что влияние характера почвы на формы политической власти Монтескье рассматривал как опосредованное важнейшими видами экономической деятельности (земледелие, скотоводство, ремесло, торговля) и вытекающими из нее различиями в уровнях национального богатства. Точнее, эти экономические факторы, к пониманию базисного значения которых Монтескье подходил окольным путем — от своего «географизма», трактовались им как определяющие непосредственно лишь психологию народов, и только через нее — «образы правления». Свойственный Монтескье «психологизм» ограничивал возможности названного подхода и приводил к искажениям в трактовке роли экономических факторов.

Более определенно Монтескье считал, что плодородие почв страны обуславливает развитие в ней земледелия, это в сочетании со скотоводством ведет к образованию значительного национального богатства. Обладая им, земледельцы приобретают такие психологические черты, которые благоприятствуют установлению деспотического правления: «Плодородие почвы приносит им вместе с довольством изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью», в силу чего они не воинственны и не свободолюбивы и потому «в странах плодородных чаще всего встречается правление одного...». Напротив, «бесплодие почвы», побуждая население заниматься ремеслом и торговлей, приводящей к развитию мореплавания, а также совершать набеги на народы, живущие в относительном изобилии, «делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва». Все это способствует тому, что в неплодородных странах устанавливается республиканское «правление нескольких»*.

В условиях XVIII века географический детерминизм Монтескье явился, несмотря на все свои ограниченности, значительным достижением социально-философской мысли на пути выработки альтернатив теологическому воззрению на общество. Обращение внимания на такое существенное условие материальной жизни общества, как географическая среда, было немаловажным шагом вперед по сравнению с предшествовавшими апелляциями ново-европейской социальной философии к «человеческой природе». Психологические определенности последней Монтескье начал рассматривать как сформированные условиями жизни людей в определенной природной среде, а в немалой мере — даже характером их трудовой и иной деятельности по обеспечению себя материальными благами.

Допущенная Монтескье абсолютизация социального значения географической среды (в основном ее климатического компонента) была замечена и не принята большинством французских просветителей. Они подвергли критике наиболее уязвимый пункт этой концепции, указывая, что в целом ряде стран, например на территории Италии, одни «образы правления» заменялись противоположными без того, чтобы климат претерпевал в это

* Там же. С. 394, 393.

время заметные изменения. Неприемлемым для этих просветителей было также ограничение возможности установления политической свободы определенными географическими рамками, за пределами которых деспотическое правление представлялось «естественным» и неизбежным, по поводу чего Гельвеций язвительно замечал, что Монтескье «уживается» не только с аристократами, но и с «различными деспотами»^{*}.

В XIX в. рассмотренная концепция Монтескье стала одним из теоретических источников географического направления в буржуазной социологии. Возникшее уже после того, как сформировался исторический материализм, и во все большей мере противопоставлявшееся ему, оно играло поэтому существенно иную роль в истории социально-философской мысли, чем в свое время географический детерминизм Монтескье.

^{*} Гельвеций, К. А. Соч. — Т. 2. — С. 617.

³ *Жак Бенинь Боссюэ* (1627–1704) — католический мыслитель, епископ. В течение десяти лет был наставником наследника престола. В основе его «Рассуждения о всемирной истории» (1681) лежит провиденциализм. В «Политике, извлеченной из Священного писания» (опубл. 1709) развивал теоретическое обоснование абсолютизма, отстаивал тезис о превосходстве монархии над прочими формами правления.

⁴ *Джамбаттиста Вико* — см. выше примеч. 1 к статье А. А. Никонова.

⁵ *Спиритуализм* — мировоззренческая позиция, отстаивающая тезис о примате духовного начала в бытии.

⁶ *Антиисторизм* — с точки зрения марксизма, теоретический подход, игнорирующий развитие исследуемого объекта во времени.

⁷ *Джон Локк* повлиял на многих деятелей французского Просвещения, в том числе благодаря разработанной им концепции естественного права. — см. примеч. 12 к статье Т.Б. Длугач.

⁸ *Восходящий класс* — с точки зрения марксизма, класс, находящийся на подъеме своего исторического развития.

⁹ «*Человек человеку — волк*» — крылатая фраза римского комедиографа Плавта (III–II в. до н.э.), которую цитируют многие, в частности Томас Гоббс (1588–1679) для объяснения причин возникновения законодательных ограничений произвола в обществе.

Виталий Николаевич Кузнецов (1932–2011)

Специалист по истории новоевропейской, в особенности французской и немецкой философии. Окончил философский факультет МГУ (1955), затем работал на кафедре истории зарубежной философии названного факультета. Доктор философских наук (1974), профессор (1976). Его основные исследовательские достижения представлены в книгах: «Вольтер и философия французского Просвещения XVIII века» (1965), «Жан Поль Сартр и экзистенциализм» (1969), «Французская буржуазная философия XX века» (1970), «Франсуа Мари Вольтер» (1978), «Французский материализм XVIII века» (1981), «Французское неогегельянство» (1982), «Немецкая классическая философия» (1989), «Европейская философия XVIII века» (2006).

В. Н. Кузнецов **Монтескье**

Печатается по: Кузнецов В. Н., Мееровский Б. В., Грязнов А. Ф. Западноевропейская философия XVIII века. — М.: Высшая школа, 1986. — С. 161–178.

¹ *Оратория Иисуса* (именуемая также *Ораторией Франции*) — конгрегация, основанная кардиналом Пьером де Берюллем в 1611 г. К числу прославленных ораторианцев принадлежал Н. Мальбранш. Конгрегация была упразднена во время Великой французской революции (1792г.), восстановлена в 1852 г. С 2014 г. Ораторию возглавляет Франсуа Пикар. Среди выдающихся учеников ораторианцев следует отметить Кольбера, Виллара, Вокансона, Малуэ, Бональда.

² Один из высших судов Франции, создан в 1451 г.

³ *Агностицизм* — философское учение о непознаваемости сущности вещей.

⁴ *Трансцендентный теоцентризм* — концепция непознаваемого Бога, пребывающего за пределами мира явлений.

⁵ *Провиденциализм* — учение о разворачивании истории, согласно изначальному божественному плану.

⁶ *Гай Юлий Цезарь Октавиан Август* (63 до н. э. — 14 н. э.) — один из самых успешных правителей Римской империи, которому удалось сохранить ее территориальное единство и сконцентрировать в своих руках власть при формальном соблюдении республиканского строя в Риме.

⁷ *Жан Мелье* (1664–1729) — священник, оставивший прихожанам в качестве завещания рукопись, в которой проводил атеистические и материалистические идеи.

⁸ *Клод Адриан Гельвеций* (1715–1771) — французский просветитель, автор знаменитых произведений «Об уме» (1758) и «О человеке» (опубл. посмертно, 1772).

¹⁴ *Джон Локк* — см. выше примеч. 12 к статье Т.Б. Длугач.

¹⁵ *Диодор Сицилийский* (1 в. до н.э.) — древнегреческий историк, автор знаменитого компилятивного труда «Историческая библиотека».

¹⁶ *Жан Шарден* (1643–1713) — известный в свое время путешественник и коммерсант, оставивший значительные по исторической ценности описательные сочинения об обществе и нравах стран Востока.

Марк Петрович Баскин (1899–1964)

Советский философ, профессор (1930). Окончил университет им. А. Л. Шанявского в Москве (1919). По окончании университета находился на преподавательской работе, в 1930–1931 гг. заведовал кафедрой исторического и диалектического материализма физико-механического факультета МГУ. С 1944 г. — старший научный сотрудник Института Философии АН СССР. Изучал вопросы, связанные с эстетикой, историей философии, идеологией различных эпох.